
ПРЕДИСЛОВИЕ

После разгрома белой армии под командованием адмирала А.В.Колчака в Сибири завершилась Гражданская война с её двумя характерными признаками – прямым вооружённым столкновением двух армий и иностранной интервенцией. Сибирская деревня вступила в новый этап своей истории, который охватывает период с ноября 1919 г. по март 1921 г. Этот период можно условно назвать “военным коммунизмом” по характеру той политики, которая осуществлялась в Советской России с января 1919 г. В эти годы в сибирской деревне произошли масштабные экономические, политические и социальные изменения, которые завершили цикл развития деревни, начавшийся в годы Первой мировой войны, продолжившийся в период Февральской и Октябрьской революций и Гражданской войны. Характерной чертой периода “военного коммунизма” в Сибири было то, что основные направления экономической политики определялись не внутренними предпосылками развития сибирской деревни, а экономическим состоянием европейской части Советской России.

Летом 1918 г. Советская Россия оказалась в кольце фронтов, что повлекло полную экономическую обособленность европейской части страны, где сохранилась Советская власть. Это привело к практически полному сокращению внешней торговли. Если в довоенном 1913 г. Российская империя ввозила более 900 млн пудов грузов, а вывозила почти 1 500 млн пудов, то в 1919 г. вывоз товаров практически прекратился, а ввоз составил менее 500 тыс. пудов. Это привело к кризису промышленности и транспорта, зависимых от привозных материалов и оборудования. К тому же, под контролем Советской России оказались те территории, которые до войны производили промышленные товары и потребляли сельскохозяйственную продукцию и добываемое в других районах сырьё. Количество хлебных излишков, необходимых для снабжения рабочих и Красной Армии, на территории Советской России составляло всего 87 млн пудов, в то время как потребность составляла примерно 110 млн пудов. Основным источником угля для промышленности центральных районов России

был Донецкий бассейн, который до войны добывал около 1,5 млрд пудов угля ежегодно. В период Гражданской войны в распоряжении Советской власти оказался только московский угольный район, в котором добывалось всего 24 млн пудов угля ежегодно, а только для промышленных предприятий и жилых помещений Петрограда требовалось в год 168 млн пудов. Вся экономическая политика Советской России была подчинена нуждам Красной Армии. В 1919 г. она потребляла 40 % всего хлеба и от 25 до 100 % других продуктов (муки, крупы, фуража, мяса, жиров, рыбы, табака, ткани и обуви). Необходимо учесть и тот факт, что численность Красной Армии весь период Гражданской войны постоянно увеличивалась. В ноябре 1918 г. она составляла 372 тыс. человек, в январе 1919 г. – 435 тыс., летом 1919 г. – около 1,5 млн человек, а в 1920 г. – достигла 5,3 млн человек.

Катастрофическое сокращение возможностей Центральной России удовлетворить свои потребности в сырье и продовольствии заставляло власть обращаться к сырьевым и продовольственным ресурсам тех регионов, которые были освобождены от белых и вошли в состав Советской России к началу 1920 г. Среди этих регионов оказалась и Сибирь.

Изучение продовольственной политики и истории сибирской деревни в период “военного коммунизма” началось уже современниками событий. Они писали о закономерности проведения продразвёрстки, трудностях работы в сибирской деревне, “кулацком” сопротивлении мероприятиям Советской власти, “кулацких” восстаниях и т.п. В своих оценках и подборе материала авторы статей руководствовались не научными принципами, а насущными политическими задачами того времени. Поэтому очень многие явления и процессы, как впрочем, и особенности проведения продовольственной политики в сибирской деревне остались вне их внимания. Тем не менее их статьи представляют интерес в том отношении, как непосредственные участники событий видели проводимую ими политику [1].

В дальнейшем исследовательский интерес переключился на проблемы развития сибирской деревни и настроений крестьян в годы новой экономической политики, и о военно-коммунистическом периоде в Сибири забыли на долгое время.

Разработка данной темы возобновилась лишь во второй половине 1950-х гг. Однако появлявшиеся статьи не внесли существенных изменений в изучение проблематики этого периода. Пожалуй, добавился только новый сюжет – роль партии и местных партийных орга-

низаций в проведении продовольственной политики в Сибири. Те немногочисленные факты, которые исследователи вводили в научный оборот, подбирались лишь для иллюстрации этой роли [2].

На общем фоне выгодно выделялись работы томского историка Л.И.Боженко и новосибирского историка Н.Я.Гущина. Л.И.Боженко обосновывал вынужденный характер продовольственной развёртки в Сибири, связанный с острой нехваткой промышленных товаров для обмена на сельскохозяйственные продукты; сделал достаточно смелый для того времени вывод о том, что сельское хозяйство Сибири подорвала военно-коммунистическая политика в 1920 г. С ним полемизировал Н.Я.Гущин, который обосновывал свой вывод о том, что сибирское сельское хозяйство было серьёзно подорвано не в 1920 г., а в период Первой мировой и Гражданской войн [3]. Остальные выводы авторов в целом оставались в духе представлений того времени.

В 1985 г. появляется монография “Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.)” [4], автор которой, новосибирский историк В.И.Шишкин, изучение сложных и противоречивых процессов, протекавших в сибирской деревне, заменил “научным” обоснованием идеологических штампов советской пропаганды. Так, в предисловии он написал:

– Методологической основой исследования послужили положения марксизма-ленинизма о ведущей роли города по отношению к деревне, пролетариата по отношению к крестьянству, о союзе рабочего класса и трудящегося крестьянства как альфе и омеге Советской власти, о руководящей роли Коммунистической партии в системе пролетарской диктатуры и о Советском государстве как главном орудии социалистического преобразования [5].

Вектор исследовательских поисков был таким образом задан. Оставалось лишь подобрать факты, иллюстрирующие “ведущую роль”, “союз” и “главное орудие”.

Разъясняя читателю, что представляло из себя сибирское крестьянство в тот период, автор воспроизводит очередной штамп:

– На практике, на собственном политическом опыте испытав диктатуру пролетариата и диктатуру Колчака, буржуазно-помещичьей реакции, оно решительно повернуло на сторону большевиков и Советской власти. Этот выбор, сознательно сделанный трудящимся крестьянством края, на всём протяжении изучаемого периода играл роль решающего фактора, содействовавшего социалистическому строительству в сибирской деревне. Его действие отчасти нейтрализовало,

а иногда – даже перекрывало влияние неблагоприятных региональных условий [6]. Соответствовало ли сибирское крестьянство этим представлениям или нет, такой вопрос даже не ставится.

В.И.Шишкин также уверяет читателя в том, что:

– Во-первых, социалистические преобразования осуществлялись под непосредственным руководством В.И.Ленина – величайшего теоретика и практика мирового революционного движения. Во-вторых, в эти годы наиболее ярко проявился организационно-созидательный, конструктивный характер Октябрьской революции и диктатуры пролетариата. В-третьих, социалистические преобразования, направленные на удовлетворение коренных интересов рабочего класса и непролетарских слоёв трудящихся, в то же время являлись важнейшим фактором защиты завоеваний Великого Октября [7].

Старшее поколение историков прекрасно помнит, что в те годы для издания монографии, а тем более о советской истории XX в., в обязательном порядке требовалось цитировать “классиков марксизма-ленинизма” и “мудрые изречения” очередного генерального секретаря партии. Многие подходили к этому достаточно формально. Однако В.И.Шишкин не ограничился ритуальными поклонами во введении. Идеологические штампы щедро рассыпаны по всему тексту книги. Более того, он старательно их “изучает”, подгоняя под них исторические факты. Вот что он пишет об источниках своей работы:

– Монография выполнена на широком круге источников. Важнейшими из них, позволяющими раскрыть задачи социалистического строительства и политику Советской власти в Сибири, являются документы В.И.Ленина, директивы партии и правительства <...> Подавляющее большинство источников, на которые мы опирались, имеет единый в классовом отношении характер происхождения, чёткую партийную и социальную направленность. Они отражают события прошлого преимущественно с позиций Коммунистической партии и Советской власти. В этом заключается их главное достоинство и значение. Исключение составляют лишь отдельные документы волостных и сельских советских органов, которые оказались захваченными чуждыми элементами [8].

Кто эти “чуждые элементы”, естественно, не поясняется. Если же у читателя вдруг возникнет подобный вопрос, то это означает лишь то, что он всё ещё настроен на чтение научного текста.

Итак, схема дальнейшего повествования задана. На “хорошем поле” – “коммунистическая”, “большевистская”, “ленинская” одно-

значно правильная политика в сибирской деревне. На противоположном – разнообразные враги и вредители в образе “чуждых элементов”. Все “исторические факты” распределяются между этими двумя полюсами.

Перейдём к анализу основной части работы.

Первую главу “Создание и деятельность государственных органов диктатуры пролетариата” В.И.Шишкин начинает с “характеристики” тех органов власти, которые были созданы после разгрома колчаковщины. Их оценка сразу же задаётся следующим штампом:

– Все без исключения документы однозначно свидетельствуют, что трудящиеся Сибири от Тобола и Иртыша на западе до Байкала и Лены на востоке восторженно приветствовали освободившую их героическую Красную Армию и восстановление власти Советов [9].

Автора не смущает, что большинство документов “однозначно” свидетельствовало если не об обратном, то о достаточно сложных и специфических оценках Советской власти со стороны сибирских крестьян.

Затем, приведя несколько фактов из истории создания ревкомов в Сибири, В.И.Шишкин с гневом обрушивается на историков В.Т.Медведева и В.Т.Шуклецова за то, что они (кстати, в соответствии с историческими фактами) утверждали, что “в состав низовых ревкомов Западной Сибири входили представители деревенской бедноты и тех середняков, которые являлись приверженцами Советской власти” [10]. Приводя отдельные факты, В.И.Шишкин “доказывает”, что в ревкомы, которые были организованы на выборных началах, проникли “контрреволюционные элементы” в лице “кулачества”. “Случаи, когда контрреволюционные элементы проникали в низовые советские органы, имели место во всех уездах Сибири”, – заверяет В.И.Шишкин. В принципе, ничего необычного в том, что в выборных низовых ревкомах оказывались кулаки, нет. Это исторический факт. Как, впрочем и то, что туда входили бедняки и середняки.

Следом воспроизводится очередной идеологический штамп:

– В силу таких объективных причин, как элементарная и политическая неграмотность бедноты и середняков, их экономическая зависимость от кулаков, слабая помощь трудящемуся крестьянству со стороны городского пролетариата, часть низовых органов Советской власти оказалась в руках контрреволюционных элементов. Тем не менее благодаря созданию ревкомов политический облик сибирского села принципиально изменился. Главный классовый противник про-

летариата – кулачество – в основном был отстранён от участия в государственном управлении и лишён возможности оказывать влияние на население через органы власти. Определяющую роль в жизни сибирской деревни стал играть союзник рабочего класса – трудящееся крестьянство [11].

Нас не должно смущать, что часть низовых органов “оказалась в руках контрреволюционных элементов”, которые одновременно с этим были “отстранены от участия в государственном управлении”. Идеологический текст не требует логики, противоречия в нём вполне уживаются в силу природы самого этого текста.

Порассуждав в самом общем виде на эту тему, В.И.Шишкин неожиданно переходит к следующему сюжету:

– С февраля – марта 1920 г. главным направлением в деятельности большинства местных ревкомов стала продовольственная работа. Требовалось убедить крестьян добровольно отдать Советской власти имевшиеся у них излишки сельскохозяйственных продуктов за деньги, не являвшиеся реальным экономическим эквивалентом, организовать обмолот и транспортировку хлеба на ссыпные пункты. Причём достичь этого сельскому советскому аппарату предстояло в основном собственными силами, при минимальной поддержке со стороны уездных и губернских органов власти [12].

“Добровольно” отдать “за деньги”, не являвшиеся “реальным экономическим эквивалентом”! Нечего удивляться, что под пером В.И.Шишкина ревкомы с достоинством выполнили эту задачу. На голову вздумавшего усомниться в этом читателя автор обрушивает лавину цифр, “подтверждающих” данный “вывод”. А дальше... ревкомы “блестяще справились” с задачей отъёма семян у зажиточных крестьян для распределения их среди бедноты и создания общественных запасов и посева в фонд государства, и создания школ и культпросветработы.

В работе В.И.Шишкина подобных логических нестыковок не счесть. Приведём ещё один пример, важный для понимания природы подобного вольного отношения к элементарной логике. Так, автор пишет:

– Следовательно, во всех сферах жизни сельские и волостные ревкомы работали в интересах трудящихся, в целях защиты и укрепления диктатуры пролетариата. О том, что их деятельность была достаточно эффективна и плодотворна, свидетельствуют не только многочисленные положительные оценки вышестоящих советских органов, но и

поведение кулачества. Весной 1920 г. оно почти повсеместно вело агитацию за замену ревкомов выборными Советами [13].

Итак, ревкомы, в которые, как автор утверждал выше, “проникло кулачество”, вели работу “в интересах трудящихся”. И одновременно это же “кулачество” требовало заменить ревкомы выборными Советами. Буквально через пару страниц автор приводит циркуляр отдела управления Сибревкома от 4 марта 1920 г. с требованием начать подготовку к созыву волостных и уездных съездов Советов, и решение Сибоблбюро РКП(б) от 13 марта о создании специальной комиссии для разработки плана избирательной кампании до уездного звена включительно [14]. Если следовать логике, то получается, что Сибревком и Сиббюро принимали важные решения... под влиянием шишкинского “кулачества”.

А потом в тексте появляются “успешно выполненная продработка летом 1920 г.”, новая заготовительная кампания с 1 сентября 1920 г., проходившая по классовому принципу: “с бедноты – ничего, с середняка – умеренно, с кулака – много” [15].

Но поскольку, как свидетельствуют даже те факты, которые приводит сам автор, кампания по сбору продразвёрстки вовсе не была успешной, то В.И.Шишкин все проблемы “сваливает” на “пассивность, местничество и саботаж” сельсоветов и волисполкомов. Надо ли говорить, что никакими конкретными фактами свои рассуждения автор не подтверждает.

Следующая глава посвящена “аграрным преобразованиям Советской власти”. То, что автор посвятил очередной сюжет не продовольственной политике в сибирской деревне (что было бы логично с научной позиции, учитывая тот исторический факт, что именно продовольственная политика в силу ряда обстоятельств составляла основное содержание работы Советской власти в сибирской деревне в 1920 г.), а второстепенным задачам в тот исторический период, лишней раз свидетельствует о том, что перед нами типичный пропагандистский текст.

Естественно, что в самом начале первого параграфа “Совхозное и колхозное строительство” В.И.Шишкин объявляет колхозы и совхозы “лучшей формой советского хозяйства”, совершенно игнорируя тот исторический факт, что политика организации совхозов в 1920 г. по существу провалилась. Любопытно, что сам автор пишет далее о том, что “к концу лета – началу осени 1920 г. были выявлены многочисленные факты не только бесхозяйственности, порождённой про-

фессиональной некомпетентностью и равнодушием к делу ряда руководителей совхозов, но и умышленного саботажа, направленного на развал хозяйств, на их дискредитацию в глазах окружающего крестьянского населения” [16]. Ну а за причиной провала далеко ходить не нужно – под рукой у автора такие штампы как “белогвардейский разгром”, “несознательность батраков” и т.п.

Общеизвестно, что в сибирской деревне вместо колхозов создавались коммуны и артели. Начало этого процесса, действительно, относится к 1920 г. Причины тоже достаточно очевидны. Однако и здесь В.И.Шишкин вместо анализа фактов воспроизводит очередной штамп:

– Причины, побудившие население к созданию колхозов, и преследовавшиеся им при этом цели были различные. Благодаря тому, что в Сибири в авангарде колхозного строительства шли коммунисты и беспартийный советский актив, огромную роль играли идейно-политические мотивы и соображения. Организация передовыми рабочими и крестьянами колхозов прежде всего являлась следствием их возросшей сознательности и активности, убеждённости в правоте коммунистических взглядов, понимания силы коллективизма, того, что в одиночку, без материально-финансовой помощи со стороны советского государства не восстановить разрушенное хозяйство, не вырваться из кулацкой зависимости, не справиться с голодом и нуждой [17].

Какие это были причины и какие преследовались цели, автор, разумеется, не поясняет.

Нарисовав пасторальную идиллию в сибирской деревне, в которой всё строилось и создавалось “под мудрым руководством” и лишь немного “орудовали враги”, автор переходит к самой сложной и напряжённой теме своего повествования – “продовольственной политике Советской власти”. И здесь В.И.Шишкин даёт простор своим фантазиям в духе сталинского “Краткого курса”. Так, мы читаем, что жители отдельных деревень и даже целых волостей находились “под влиянием кулачества и других контрреволюционных элементов”. Нетрудно догадаться, что “другие контрреволюционные элементы” не расшифровываются. Далее появляются “кулачество и его приспешники”, “кулаки, бежавшие с колчаковцами” и тому подобные “инfernальные” персонажи. И все они “вредили” как могли.

Вместо анализа особенностей заготовок продовольствия весной 1920 г. автор анализирует такой появившийся в мае 1920 г. штамп советской пропаганды, как “самотёк” – крестьяне, якобы “под влиянием

революционного энтузиазма” добровольно и безвозмездно везли хлеб на ссыпные пункты. Хотя, в действительности, заготовками занимались военно-продовольственные органы, кооперативы и достаточно слабые советские продовольственные органы, причём они покупали хлеб на совзнаки. Как видим, реальная картина далека от “энтузиазма” и “безвозмездности”.

На данной книге можно было бы не останавливаться подробно. Но поразительный факт – прошло несколько лет, и вчерашний “пламенный марксист-сталинист” превратился в столь же пламенного разоблачителя “злодейств” коммунистов на сибирской земле, занявшись изучением крестьянских восстаний и повстанческого движения в Сибири в 1920 г.

Так, в разделе “Гражданская война в Сибири (1920 г.)” в учебном пособии “Сибирь в период Гражданской войны” В.И.Шишкин заявил о том, что заканчивать Гражданскую войну в Сибири победой над Колчаком неправомерно, поскольку игнорируются “многочисленные факты вооружённой борьбы, которая в начале 20-х гг. велась между местным населением, с одной стороны, и коммунистическими властями – с другой” [18]. Итак, полюса поменялись. Теперь “агнцами” стало “местное население”, а “злодеями”, разумеется, вчерашние “хорошие” – “коммунистические власти”.

Далее автор занялся критикой “советской историографии”, объявляя, что ей “присущи серьёзные изъяны”, которые состоят в том, что “специфическая источниковая основа и марксистская методология исследования, пронизанная идеологическими стереотипами и штампами, явились теми двумя главными факторами, благодаря которым сочинения советских историков оказались выполнены в апологетическом ключе и страдали дефицитом объективности, особенно на концептуальном уровне” [19].

Это, разумеется, не самокритика, а дымовая завеса, когда вор кричит “Держи вора!”, поскольку автор вновь вместо изучения исторических фактов приступил к “анализу” идеологических штампов, только на этот раз антисоветских, поменяв “злодеев-кулаков” на “злодеев-коммунистов”. Видимо, по привычке подчинять “научное изучение” очередной пропагандистской моде.

“Продление” Гражданской войны на события 1920 г. вызвало закономерную реакцию исторического сообщества. Известный специалист по истории Гражданской войны в Сибири доктор исторических наук М.В.Шиловский справедливо отметил, что неправомерно сопоставлять партизанское движение в Сибири периода колчаковщины с

крестьянскими восстаниями и партизанским повстанчеством в 1920 г., поскольку при некотором внешнем сходстве они имеют принципиально разное содержание [20].

Критике подверглась и другая “концепция” В.И.Шишкина о сибирской деревне в период “военного коммунизма” как “Сибирской Вандее”. Вот что пишет об этом известный специалист по истории крестьянства и повстанческого движения в Поволжье доктор исторических наук В.В.Кондрашин:

– Вандея – это движение французского крестьянства под монархическими лозунгами, за возвращение прежних порядков, контрреволюционное по своему характеру. Сибирские же крестьяне не подвергали сомнению итоги революции и не поддерживали белое движение в Сибири. Сравнение крестьянских восстаний в Советской России с французской Вандеей характерно для многих авторов, использующих данное определение скорее как красивый литературный штамп, нежели как понятие, соответствующее изучаемому вопросу [21].

Добавим к этому, что против населения Вандеи французские революционные власти развернули массовый террор, принявший форму геноцида. Карательные отряды – “адские колонны” генерала Тюро – жгли дома и посеы, грабили, насиловали и убивали, уничтожая во многих местах поголовно всех жителей, включая женщин и детей. Общее количество жертв достигло 250 тыс. человек, т.е. около четверти населения Вандеи. И именно этот аспект “кровожадности коммунистов” силился подчеркнуть В.И.Шишкин.

Характерно название сборника документов о крестьянских восстаниях – “За Советы без коммунистов” [22]. Оно взято из числа тех лозунгов, которые крестьяне выдвигали во время восстаний. Почему составителем сборника В.И.Шишкиным был взят именно этот лозунг, а не, скажем, “За Учредительное собрание” или “За царя Михаила”, который, кстати, также был популярен среди крестьян? Ответ прост – составителю сборника необходимо было подчеркнуть, что коммунисты – настолько “плохие”, что даже тёмные крестьяне, “наивно верившие” в Советскую власть, считали, что во всём виноваты “коммунисты”, собиравшие с них продрозвёрстку. Нет необходимости говорить, что подобного рода “концепция” – всего лишь идеологический штамп постсоветской российской действительности. Между тем, этот лозунг давно уже был проанализирован в работе В.И.Ленина, посвящённой урокам Кронштадтского восстания. Однако та методологическая установка, которая позволила первому руководителю Совет-

ского государства раскрыть глубинную сущность крестьянских восстаний в период восстановления Советской власти, к сожалению, оказалась забытой российскими историками.

В постсоветской историографии продолжилось углублённое изучение различных аспектов продовольственной политики и повстанческого движения в Сибири на материалах отдельных губерний [23]. Реконструкция деталей и региональный аспект, безусловно, важная задача для изучения проблемы в целом.

По непонятным причинам книга В.И.Шишкина о “социалистическом строительстве” в сибирской деревне в 1920 г. оставалась единственным монографическим обращением к этой тематике. Но вот в 2013 г. появилась работа двух новосибирских историков под названием “Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914 – 1924 гг.” [24]. Авторы поставили задачу рассмотреть экономические процессы в аграрном секторе Сибири в годы Первой мировой войны, революции, Гражданской войны и в начале 1920-х гг. В принципе, подобная постановка темы не вызывает возражений. Однако необходимо учитывать, что обозначенный авторами период состоит из качественно различных этапов, каждый из которых имел свою логику и динамику политического развития, и поэтому экономические процессы должны были изучаться в тесной связи с процессами политическими и социальными. Авторы, хотя и весьма смутно, эту связь осознавали. Уже при формулировке актуальности темы они заявили о том, что необходимо изучить проблему соотношения политических, метеорологических, агротехнологических и экономических факторов и выстроить “иерархию причин кризиса сельского хозяйства эпохи войн и революций и особенности послекризисного подъёма сельского хозяйства <...> без прежнего привкуса политической ангажированности” [25].

В принципе право авторов описывать во введении объект и предмет исследования, хотя подобное скорее требуется в диссертации, но вызывает удивление то, что объектом исследования они называют “аграрный строй” Сибири, а предметом исследования “сельское хозяйство” (по-видимому, чем-то отличающееся от “аграрного строя”, хотя авторы ничего на этот счёт не пишут) и политику государства по регулированию аграрных отношений и аграрного производства.

Затем авторы пытаются конкретизировать цель исследования, которая состоит “в определении факторов, детерминирующих возникновение проблем развития сельского хозяйства Сибири во второй половине 1910-х гг., исследовании фаз и динамики кризисного развития

отрасли в начале 1920-х гг., выявлении механизмов преодоления кризиса” [26]. Итак, изучаем не “аграрный строй” и “сельское хозяйство”, а “проблемы” и “кризис”. Что же, пусть так.

В качестве исследовательских задач авторы декларируют изменения в сфере землевладения и землепользования, динамику зернового производства и животноводства, методы и результаты заготовок сельхозпродуктов, а также основные тенденции демографического и социально-экономического развития деревни и крестьянского хозяйства [27]. Так, по-видимому, авторы понимают “сельское хозяйство” и аграрную политику. Но как они сами отметили в аннотации работы, “особое внимание уделено генезису и динамике кризисных явлений в сельском хозяйстве, их причинам, движущим силам и региональной специфике”.

Структура книги производит, на первый взгляд, весьма странное впечатление. Авторы группируют материал не по историческим периодам – Первая мировая война, революции, Гражданская война, “военный коммунизм” и переход к нэпу, а по достаточно формальным критериям – землепользование с 1914 по 1924 гг., выращивание зерна за этот же период, потом начинаются заготовки хлеба, вслед идёт животноводство, производство масла, заготовка масла, а последняя глава посвящена “демографическому и социально-экономическому развитию деревни” и “крестьянскому хозяйству”. Главы логически не связаны между собой и в содержании книги равным счётом ничего не изменится, если их переставить в любом порядке.

После этого уже не удивляет и то, что два сотрудника академического института, один из которых доктор, а другой кандидат исторических наук, разделяют источники на “опубликованные” и “неопубликованные” [28], как будто опубликованный в сборнике документов архивный документ каким-то чудесным образом меняет своё содержание или ведомственную принадлежность. А затем следует фрагмент, заимствованный из какой-то далеко не самой лучшей кандидатской диссертации.

Обычно задачей историографического обзора является рассмотрение того нового, что предшествующие исследователи внесли в изучение рассматриваемой темы, какие проблемы они решить не смогли по каким-то причинам. Авторы понимают эту задачу как-то по-другому. Иначе, как объяснить тот факт, что бегло упомянув предшественников, один из авторов пишет панегирик самому себе, подчёркивая, что “существенный вклад в изучение динамики сельскохоз-

ственного производства в годы Гражданской войны внёс В.М.Рынков” [29] со ссылкой на одну главу в коллективной монографии и одну статью, в которых, как можно понять из авторского текста, он поставил под сомнение “общепринятое в историографии положение о больших запасах хлеба в крестьянских хозяйствах в 1920 г., накопленных в результате высоких урожаев предыдущих лет”. Напомним, что под сомнение это утверждение было поставлено уже современниками событий. Однако самое удивительно то, что в книге авторы успешно опровергли своё же собственное опровержение. Так, критикуя политику расширения землепользования, проводимую Сибревкомом, они утверждают: “На самом деле весной 1920 г. абсолютное большинство сибирских крестьян не испытывало нужды в семенах, имея значительные запасы от прошлых урожайных лет” [30]. Но, видимо, “значительные” ещё не означает, что они “большие”!

В основе “концепции” авторов – “антикрестьянский характер” продовольственной политики Советской власти в период “военного коммунизма”. Обосновывается это не историческими фактами, а в духе постмодернизма – предшествующими текстами. Вот что они пишут: “22 июля 1920 г. СНК своим декретом поставил перед советскими органами Сибири беспрецедентную задачу – изъять у местного населения все излишки, собрав в рамках продразвёрстки 1920/21 г. 110 млн пудов хлеба. Взять его у крестьян предстояло практически безвозмездно, поскольку стоимость имевшегося в распоряжении местных продорганов товарного фонда покрывала лишь 3,5 % назначенного к изъятию хлеба” [31]. При этом они ссылаются не на декрет Совнаркома, а на упомянутую выше книгу В.И.Шишкина. Между тем любой заинтересованный читатель легко может познакомиться с данным декретом, опубликованном, например, в таком общедоступном для сибирских историков сборнике документов как “Сибирский революционный комитет (Сибревком)” [32] и убедиться в том, что ничего подобного тому, что утверждают два новосибирских историка, там не написано!

Собственно “аграрному строю” посвящена первая глава “Земле-владение и землепользование”, в котором авторы приходят к вполне очевидному выводу, что крестьяне во время революций и Гражданской войны стремились к захвату и переделу земельных владений, а власть как могла пыталась регулировать этот процесс. Трюизмы обосновываются “анализом” законодательства разных правительств. В итоге авторы приходят к выводу, что Временное Сибирское и колчаковское правительства регулировали всё “гуманно”, Сибревком

первоначально практически не вмешивался, и лишь в период нэпа “всё было упорядочено”. Для обоснования этого “фундаментального вывода” авторы анализируют лишь законодательные акты разных правительств. Хотя, если судить по тексту книги, они всё же осознавали, что реальный исторический процесс отличался от юридически запланированного, однако данный факт они никак не комментируют.

Последующие четыре главы посвящены “сельскому хозяйству”.

В главе, посвящённой “производству” зерна, авторы вместо анализа региональной специфики этого процесса, рассуждают о том, что за время Первой мировой войны посевные площади сократились, в 1917 г. – незначительно возросли, потом в течение 1918 – 1920 гг. – росли, а после проведения политики “продразвёрстки” – сократились. Напомним читателю, что изобретение данного “велосипеда” относится к 1927 г., когда были опубликованы хорошо известные историкам таблицы посевных площадей по сибирским губерниям, которые, впрочем, и сами авторы приводят в приложении к своей книге.

Высокий урожай 1919 г. авторы связывают “с хорошей погодой”, а сокращение посевных площадей – с продразвёрсткой, добавляя, что «непредуманные, отягощённые “классовым подходом” меры экономической помощи деревне позитивного влияния на ситуацию в отрасли не оказали» [33]. Что означает выражение “отягощённые классовым подходом”, естественно, предлагается читателю книги додумывать самому. Точно также в последующих главах авторы сводят сокращение животноводства и производство масла к продразвёрстке.

Последняя глава посвящена “демографическому и социально-экономическому развитию деревни” и “крестьянскому хозяйству”. В качестве основы для изучения в данной главе взяты тексты В.И.Шишкина о “социалистическом строительстве”. Но если у В.И.Шишкина организацией колхозов и совхозов занимались “передовые рабочие и крестьяне”, то В.М.Рынков и его коллега сводят их появление к “идеологическим установкам большевистского режима” и насаждению их “сверху”. Постмодернистское переписывание текстов сопровождается идеологической перелицовкой описываемой “реальности”.

Если теперь отбросим все идеологические штампы постсоветской России, причудливо перемешанные в тексте книги с историческими фактами, то в качестве факторов развития сельского хозяйства и причин кризиса останутся... “метеоусловия” и “продразвёрстка”.

Для всего этого, впрочем, не стоило книгу и писать. То, что Сибирь – зона рискованного земледелия, известно каждому школьнику, изучающему природоведение в 3 классе. А то, что продразвёрстка

привела к сокращению посевных площадей, поголовья скота и, соответственно, количества полученного от этого скота масла – писали ещё современники событий.

Не удивляет и то, что в историографическом обзоре и тексте книги авторы сознательно избегают даже упоминания тех работ, в том числе и моих [34], которые попросту разваливают их метеорологическо-продразвёрсточную “концепцию”.

Меня могут упрекнуть в том, что я столь “пристрастно” останавливаюсь на анализе именно этих двух книг. Но, во-первых, других книг, специально посвящённых сибирской деревне и продовольственной политике Советской власти в период “военного коммунизма”, попросту нет. Во-вторых, вненаучные задачи, которые решают авторы этих книг, до сих пор являются источником мифотворчества и зачастую вводят в заблуждение авторов современных научных публикаций. В-третьих, становится очевидно, что единственным способом для изучения данной проблематики является обращение к первоисточникам.

Концепция данной монографии была сформулирована в статье “Продовольственная политика в Сибири в период военного коммунизма (август 1919 – март 1921 г.)”, опубликованной в научно-историческом журнале КЛИО в 2011 г. Фрагменты данной книги публиковались на страницах журналов “Гуманитарные проблемы военного дела” и “Сибирский Архив”, а также в других изданиях [35].

Автор выражает признательность работникам Государственных архивов Алтайского и Красноярского краёв, Омской, Новосибирской и Томской областей, Центра документации новейшей истории Томской области, Государственного архива новейшей истории Иркутской области, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, Российского государственного архива экономики, Омской государственной областной научной библиотеки им. А.С.Пушкина, Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, Иркутской областной государственной универсальной библиотеки, Томской областной государственной универсальной научной библиотеки им. А.С.Пушкина, Государственной публичной научно-технической библиотеки (Новосибирск), Новосибирской государственной областной научной библиотеки, Алтайской краевой библиотеки имени В.М.Шукшина, научной библиотеки Томского государственного университета, предоставивших интереснейшие документальные материалы; А.Р.Рахматуллиной и Г.В.Кокоулину, помогавших на всех этапах работы над книгой.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
§ 1. Продовольственные заготовки в освобождённой Сибири.....	18
§ 2. Установление продовольственной диктатуры.....	43
§ 3. Организация и деятельность Сибпродкома.....	70
§ 4. Продовольственная политика и деревня.....	99
§ 5. Повстанческое движение на Алтае.....	125
§ 6. Крестьянское восстание в Новониколаевском уезде.....	150
§ 7. Объявление продразвёрстки.....	174
§ 8. Сбор продразвёрстки.....	196
§ 9. Аграрная политика и сельское хозяйство.....	217
§ 10. Кризис политики “военного коммунизма”.....	239
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	263
ПРИМЕЧАНИЯ.....	269
УКАЗАТЕЛЬ АРХИВНЫХ ФОНДОВ.....	294